

Цзиньсю:

— Это подарок Драгоценной наложницы Цзи на прошлый день рождения принцессы. Она очень дорожит им, и в прошлом месяце ещё приходила посмотреть. Продавать нельзя.

Цинь Цзюнь промычала что-то невнятное, сидя на ящике с золотом, повернулась на месте и, указывая кистью на полку, где стоял длинный кубок, инкрустированный зелёным камнем и украшенный резьбой с изображением таоте, бросила взгляд на список подарков:

— А кубок из слоновой кости, инкрустированный бирюзой?

Цзиньсю:

— Антиквариат эпохи Шан, подаренный в своё время правителем царства Чжэн. Его Величество лично пожаловал его принцессе. Он бесценен, и вряд ли в столице найдётся кто-то, кто осмелится его купить.

Цинь Цзюнь цокнула языком:

— А золото и драгоценности?

Сяо Таоцзы тихо сказала:

— Принцесса, слитки серебра и золота упакованы в ящики, их легко пересчитать. Всего шесть тысяч лян: четыре тысячи золота и две тысячи серебра. Мелкие серебряные монеты разбросаны, их учитывают только для выплаты месячного жалования слугам и не вносят в общий счёт. Простой народ использует медные монеты, а в княжеском доме их нет... Эти мелкие серебряные монеты завтра взвесить с помощью двух внутренних слуг?

Цинь Цзюнь пробормотала про себя:

— Недостаточно.

Сяо Таоцзы с недоумением посмотрела на Цинь Цзюнь, затем перевела взгляд на Цзиньсю.

— Ни одна из картин или антиквариата не подходит для продажи? — спросила Цинь Цзюнь. — Разве они уже не мои?

Сяо Таоцзы пробормотала:

— Принцесса никогда раньше не продавала картины и антиквариат, что случилось на этот раз?

— ...

Цинь Цзюнь виновато скользнула взглядом по их лицам:

— Я просто размышляю вслух. Разве я похожа на столь алчного человека?

Цзиньсю:

— Я займусь этим.

Цинь Цзюнь упёрла кисть в подбородок. В смутные времена деньги и ценности — самые важные вещи.

— Ладно, — спрыгнула она с ящика. — Подождём до конца первого месяца.

Цинь Цзюнь передала бумагу и кисть старушке, стоявшей у двери кладовой, и, набрав охапку украшений и драгоценностей, вернулась в свои покои развлекаться. Если бы не недавние подарки, из-за которых она заглянула в хранилище, она бы и не знала, что у шестой принцессы столько богатств.

Вот если бы можно было взять все эти древние диковины и сокровища и перенестись обратно в современность... Продать их на аукционе — и стоимость взлетела бы в разы. В мирное время, без войн, сиди себе на горе золота да серебра, ешь — не переешь, пей — не перепьёшь, каждый день покупай что душе угодно. Часть отдай друзьям — пусть живут припеваючи. Или, как Цинь Бянь, заведи гарем из семнадцати-восемнадцати красавиц. А когда умрёшь — оставшиеся деньги пожертвуй на благотворительность. И тогда...

И тогда в голове Цинь Цзюнь внезапно возник образ Цзи Сы, прыгающей с высотного здания, и всё её тело пронзила боль. Цинь Цзюнь вздрогнула и проснулась, обнаружив, что её разбудили драгоценности, впивающиеся в бок.

До новогоднего собрания оставалось всего несколько дней. Третий принц возвращался в столицу. На высоком коне он возглавил войска, вошедшие в город, и первым делом встретился со Вторым принцем, отвечавшим за оборону столицы. Двое гарцевали бок о бок по оживлённым улицам, устроив настоящее представление. Весть об этом дошла до дворца, где Цинь Бянь в Чертоге Великого Предела поочерёдно принимал прибывших в столицу князей.

Цинь Цзюнь помогала в Павильоне Величия Феникса, а Четвёртого принца привлекли к проверке музыкальных и танцевальных групп, готовящихся к новогодним представлениям, у Внешних ворот.

Драгоценная наложница Цзи:

— Эти нефритовые изделия прислал князь Ваньчжоу. Их получают все наложницы из внутренних покоев и жены чиновников первого ранга и выше. Цзюньэр, сначала выбери то, что тебе нравится, а остальное я раздам прочим господам.

Цинь Цзюнь, уловив в её словах намёк на оживление, улыбнулась:

— Третий брат вернулся, разве вы, госпожа, не волнуетесь?

Драгоценная наложница Цзи с укором бросила на неё взгляд:

— Ах, моя принцесса! Глядишь — уже Новый год на носу, когда тут до душевных бесед? Поживее, поживее, помоги мне управиться, и отпущу тебя обедать.

В тот миг все три дворца и шесть павильонов были заполнены суетящимися без устали служанками и евнухами. Они сновали туда-сюда с подносами и чашами всех размеров, вносили и выносили всякую всячину на коромыслах. Служанки и евнухи семенили мелкими шажками, сновая в чистом, холодном и бесцветном мире, засыпанном белым снегом.

В тот день в Павильоне Величия Феникса устроили семейный пир.

Когда пиршество закончилось, была уже глубокая ночь. Четыре служанки с фонарями в руках шли впереди, освещая Цинь Цзюнь дорогу.

— Кто здесь? — вдруг настороженно спросила Цзиньсю, вглядываясь в ночную тьму.

Из темноты возникла слегка согбенная фигура.

— Принцесса.

Цинь Цзюнь кивнула.

— Евнух Го.

Цзиньсю:

— Прошу вас, господин, пройдите в главный зал.

— Люди из Цзян уже прибыли? — Ночью иней и роса были густы. Цинь Цзюнь, закутавшись в меховую накидку, восседала в главном зале, потягивая согревающий суп.

Евнух Го сложил руки в поклоне:

— Уже. Вошли в город с наступлением темноты, сдали проездные документы и отправились в отведённый дом.

Цинь Цзюнь выдохнула облачко белого пара, которое растворилось в тёплом жёлтом свете свечей.

— Их зарегистрировали?

Евнух Го подал список.

— Уже вносят в реестр.

Цзиньсю развернула список перед Цинь Цзюнь.

Та взглянула на него и заметила двух людей с неполными именами.

— А эти двое что за люди?

Евнух Го пояснил:

— Чернила на оригинальном списке ещё не высохли, когда его передавали, и они размазались, скрыв имена. При переписывании остались только фамилии.

Цинь Цзюнь выдохнула.

— Какая хитрость.

Евнух Го:

— Какие будут указания, принцесса?

Цинь Цзюнь сказала:

— Боюсь, как бы кто-то нечистый на руку не воспользовался суматохой и не проник в Верхнюю столицу. Прошу вас, господин Го, расследовать и выяснить всё досконально по каждому имени в этом списке.

— Слушаюсь, — ответил евнух Го.

Цинь Цзюнь спросила:

— Как с покупкой дома?

Евнух Го:

— Уже присматриваем. Однако в период Нового года в Верхней столице слишком много народа, хороших домов почти не осталось.

Цинь Цзюнь сжала губы:

— Поторопитесь. Не нужно чего-то слишком роскошного, лишь бы можно было иногда останавливаться.

Затем добавила:

— В ближайшие два дня. Непременно устройте, не привередничайте.

Евнух Го ответил «слушаюсь», получил приказ и удалился.

Цзиньсю, слушая весь разговор, приходила во всё большее недоумение.

— Принцесса?

Цинь Цзюнь вздохнула:

— Знаю, о чём ты хочешь спросить. Но небесные тайны нельзя разглашать.

Цзиньсю:

— ...

Цинь Цзюнь снова взяла список и принялась его изучать. Похоже, посланники из Цзян, прибывшие в этом году, как и прежде, — это Чжун Хуэй, чиновник, отправленный Цинь Бянем для помощи Цзян, возвращающийся с докладом.

Цинь Цзюнь облегчённо вздохнула про себя. Главное, чтобы это не были люди из семьи Цзи или те полуживые старцы из Цзян — тогда никто не узнает Цзи Сы и не увезёт её обратно.

Цзиньсю нерешительно промолвила:

— Принцесса так интересуется Цзян... Не потому ли, что думает о той нелепой свадьбе шесть лет назад?

Цинь Цзюнь вздрогнула, мгновенно вспомнив ту неприметную историю из книги. Шесть лет назад Цинь-Чжоу страдала от внутренних и внешних проблем. Внешние враги пришли требовать переговоров. В величественном зале посланник заявил, что предводитель юаньцев желает заключить брачный союз с Цинь-Чжоу.

Весь двор пришёл в смятение. В то время у императора Чжоу была лишь одна дочь, а шестой принцессе тогда было всего девять лет!

Сотни чиновников шумели, обсуждая, считая это позором для императорской семьи. Но армия юаньцев стояла у гор Ушань, и, если бы не согласиться, пришлось бы воевать. Тогда кто-то предложил устроить ловушку: найти служанку, сложением похожую на шестую принцессу, нарядить её в роскошные одежды и отправить на поле боя.

Юаньцы обрадовались. Их главнокомандующий отправился в лагерь Цинь-Чжоу, чтобы встретить принцессу и заодно обсудить условия перемирия. Когда зашла речь о браке, министры Цинь-Чжоу смутились, заявив, что шестая принцесса уже обручена с наследником государства Цзян, и брак с юаньцами невозможен.

Главнокомандующий юаньцев пришёл в ярость!

Министр невозмутимо сказал:

— Цзян находится дальше всех от Верхней столицы, на самых окраинах, граничащих с землями ху. Господин главнокомандующий может отправиться туда и сам во всём удостовериться.

Главнокомандующий юаньцев был убит прямо в шатре. Цинь-Чжоу воспользовалась моментом, чтобы начать битву при Ушане, захватив инициативу.

Эта свадьба шестой принцессы изначально была нелепой. После победы о ней почти не вспоминали, тем более что Цинь Бянь любил свою дочь и ни за что не позволил бы ей уехать в далёкий Цзян. Всё это было лишь частью хитроумного плана, и ни один министр не хотел поднимать эту тему, словно все коллективно забыли об этом... В конце концов, та ловушка была не слишком благородной, и говорить о ней было бы позором для великой державы.

Цинь Цзюнь потеряла ладонью лоб.

— ...

Она совсем забыла об этом деле. А ведь оно, если разобраться, было немаловажным сюжетным ходом в оригинальной книге. Шестая принцесса чуть не стала родственницей главной героини.

Цзиньсю, закончив, осторожно взглянула на лицо Цинь Цзюнь.

— Принцесса?

Цинь Цзюнь, следуя её словам, сказала:

— Именно так. Ты права, я именно поэтому и уделяю Цзян столько внимания.

Цзиньсю кивнула, приготовила тёплую салфетку и подала Цинь Цзюнь, чтобы та вытерла руки.

— Принцессе не стоит беспокоиться. Я слышала, правитель Цзи жесток, народ живёт в страданиях. Его Величество точно не позволит принцессе отправиться на страдания.

Цинь Цзюнь прилегла, наблюдая, как Цзиньсю берёт ножницы и срезает нагар со свечи, и пробормотала:

— Через пару дней Новый год. Надо бы, наверное, раздать слугам красные конверты?

Сяо Таоцзы вошла, чтобы зажечь успокаивающие благовония, и, услышав это, тихо сказала:

— Уже распорядились, принцесса. Спите.

Цинь Цзюнь натянула парчовое одеяло, потерла глаза и пробормотала:

— Все эти драгоценности в моём хранилище — я их всё равно не переносу. Выберите что-нибудь себе по вкусу, когда будет время. А ещё отберите что-нибудь получше для моей несчастной Хунсю. Остальное пусть надёжные слуги пересчитают. В следующий раз, когда мы выедем из дворца, обменяем эти драгоценности на золотые слитки.

Цзиньсю:

— Слушаюсь.

Сяо Таоцзы:

— Слушаюсь.

Затем Сяо Таоцзы спросила:

— А кто такая Хунсю?

Цзиньсю:

— Та самая из Нефритового терема.

Сяо Таоцзы:

— Почему принцесса так интересуется той Пинь-нян? Она что, ваша возлюбленная?

Цинь Цзюнь:

—

<http://bllate.org/book/16274/1465097>